

Сергей Цыб

Когда Владимир Мономах стал киевским князем?

Личность Владимира Всеволодовича Мономаха всегда воспринималось учеными как одна из самых значительных фигур истории Киевской Руси. Нет необходимости перечислять все научные и популярные публикации, оценивающие заслуги князя в борьбе с половцами, в консолидации русских земель, в разработке нового законодательства и т. д. Созданное и усвоенное нами представление о величии этой исторической персоны требует самого внимательного знакомства со всеми эпизодами его жизни. Мы предлагаем здесь рассмотрение одного из этих эпизодов, может быть, самого важного в биографии князя, — начала его княжения в Киеве.

Привычным и даже «хрестоматийным» стало мнение о том, что Владимир Всеволодович стал киевским князем в 1113 г. Эта дата присутствует во всех школьных и университетских учебниках последних полутора столетий, во всех популярных и научных сочинениях этого времени (опять же не стоит оформлять библиографический список всех изданий, где указана эта дата). Если кто-то из читателей этой статьи укажет хотя бы одну оригинальную хронологическую версию вокняжения Мономаха в Киеве, то автор будет благодарен ему за это историографическое открытие.

Основанием для появления «хрестоматийной» даты стала статья 6621 г. *Повести временных лет*, которая и рассказывает о начале киевского княжения Владимира Всеволодовича. Считается, что на этом участке *Повести* ее первоначальный текст точнее передают списки Ипатьевской редакции, а северо-восточные списки (*Лаврентьевский*, *Радзивиловский*, *Московско-Академический* и др.) отражают позднюю (конец XII в.) обработку текста начала этого столетия. А.А. Шахматов объяснял это тем, что вторая (Лаврентьевская, 1116 г.) редакция *Повести* заканчивалась описанием событий 6618 г., после чего начинался текст Ипатьевской редакции (1118 г.); позже, в конце XII в., он был обработан владимиристо-суздальскими редакторами, причем, обработка заключалась и в частичном соединении редакций 1116 и 1118 гг. *Ипатьевская* же летопись лучше сохранила оригинальный текст редакции 1118 г.¹ Другими словами, мы можем считать первоначальным рассказ ипатьевских списков о начале княжения Владимира в Киеве в 6621 г.

1 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Т. 1: *Вводная часть, текст, примечания*. Пг., 1916.

Статья начинается с известия, содержащего несомненную опорную дату: «Бѣ знаменье въ слнці . въ .а. (1) часть . дне <...> мѣа . марта . въ .ѳі. (19) днь.»², что подразумевало солнечное затмение 19 марта 1113 г. и, следовательно, 6621 номер года был константинопольским (от сотворения мира до рождества Христова 5509–5508 лет) и имел сентябрьский или мартовский календарный стиль. Полагаясь на это, все исследователи без каких-либо сомнений также трактовали хронологию этой годовой статьи и прочих известий, поскольку она начиналась с весенних событий, то объявляли все ее показания мартовскими (март 1113 г. — февраль 1114 г.)³. Очевидно, однако, что такой взгляд был упрощенным и поэтому весьма неточным. Так, сразу понятно, что киевский князь Святополк Изяславич не мог умереть вскоре после этого затмения, в апреле 1113 г., как это показывает источник:

Се же бывають знаменья . не на добро [...] тако се древле во дни на Внтихковы быша знаменья въ Ерѣмѣ [...] якоже бысть знаменье въ слнцѣ . проявлаше Сѣополчно смѣрть [...] преставился благовѣрныи князь Михайль зовемыи Сѣополкъ . мѣа априла . въ .сі. (16) днь⁴

На это указывает окончание предыдущей летописной статьи Ипатьевского списка (6620 г.), где сообщается о назначении нового игумена Киево-Печерского монастыря взамен ушедшему на черниговскую епископию Феоктисту:

Сему же тако бывышю . и братья суци безъ игумена . совокупившимса братья . всѣи . и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина . и възвестиша митрополиту . и князю Стополку ѿ немь . и повелѣ князь митрополиту поставити с радостью . и поставленъ бѣ недѣлѣ масленоѣ в четвергъ . мѣа феврала . въ .ѳ. (9) днь и тако внидоша в постъ . братья и со игуменомъ⁵

Давно уже было отмечено, что показание «недѣлѣ масленоѣ в четвергъ мѣа феврала . въ .ѳ. (9) днь» является дефектным, так как такое сочетание пасхально-юлианских элементов было в 1111 г. от Р.Х., а этот год никак не увязывается с окончанием летописного 6620 г. Все исследователи поэтому утверждали, что 6620 г. *Повести* — мартовский (март 1112 г. — февраль 1113 г.), значит уместной должна быть такая конъектура текста: *В неделю (т.е. в воскресенье) Масленой седмицы, месяца февраля в 9 день*⁶. Действительно, в 1113 г. день 9 февраля был

2 ПСРЛ 2: 274.

3 Мельников [Печерский] П.И. Солнечные затмения, виденные в России до XVI столетия. *Отечественные записки*. Т. XXII. 1842, 56; Погодин М.П. *Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4: Период удельный, 1054 — 1240*. М., 1850, 136; Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи. *ЧОИДР*. 1910. Кн. 4 (235), 13; Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века. *ИОРЯС*. Т. XX. Кн. 2. 1915, 30–31; Свяцкий Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. *ИОРЯС*. Т. XX. Кн. 1. 1915, 105.

4 ПСРЛ 2: 274, 275, прим. «а».

5 ПСРЛ 2: 274.

6 Погодин М.П. *Исследования*, 108–109; Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 345–346, 393, 402; Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 30, 39 и др.

воскресеньем, но — в чем и ошибались все предшественники! — не на Масленной (или Сыропустной) седмице, а на предшествовавшей ей Мясопустной седмице, тогда как Сыропустная неделя (воскресенье) была 16 февраля. Однако то, что поставление Прохора было все же в Сыропустное воскресенье, сомнений не вызывает, поскольку сразу вслед за ним в летописи идет речь о начале Великого поста, а такое возможно было только в 6620 г., который на одно обозначение отставал от мартовского константинопольского счета (март 1113 г. — февраль 1114 г.); с учетом того, что он был високосным (6620-й год по юлианскому 4-летнему циклу является високосным), получается, что 9 февраля 1114 г. было в пасхальном году воскресеньем Сыропустной седмицы.

Ранее мы предложили именовать этот календарный стиль «постмартовским» и выявили его частое применение в заключительной части *Повести временных лет*⁷. Этот вывод постепенно находит признание в кругу специалистов — знатоков исторической хронологии⁸. Иначе говоря, киевский князь Святополк Изяславич умер не ранее 9 февраля 1114 г., и это предположение позволяет нам заподозрить совмещение различных текстовых и хронологических слоев в статье 6621 г. ипатьевских списков *Повести временных лет*.

Такая догадка подтверждается текстом самой летописной статьи 6621 г., которая содержит несколько очевидных признаков редакционных изменений, и это ставит под сомнение вывод о ее хронологической цельности.

Первый след неудачного вмешательства редакторской руки мы наблюдаем сразу же после упомянутого астрономического известия: «Бѣ знаменьє въ слнѣци . въ .а. (1) часѣ . днѣ [...] мѣа . марта . въ .ѿ. (19) днѣ . а луны . въ .ѿ. (9) .к. (20)» [здесь и далее все вставки в текст и подчеркивания мои. — С.Ц.]. Уже летописцы-переписчики *Повести* выразили свои сомнения по поводу точности заключительной фразы данного сообщения. Владимиро-суздальские «списатели» конца XII — начала XIII вв. вообще ее выпустили (вслед за ними это сделали и новгородские летописцы), а поздние копировщики *Ипатьевской* летописи представили ее иначе: в *Хлебниковском* списке отсутствовала цифра ·к· (20), а в *Ермолаевском* списке непонятная фраза была заменена словами «а кругъ луны во ·ѿ· (9)»⁹. Лишь составитель *Густынской* летописи понял это сообщение так, что вслед за солнечным затмением через 10 дней было затмение лунное¹⁰.

Однако никакого лунного затмения не могло быть ни за 10 дней до солнечного «знаменья», ни через 10 дней после него; в 1113 г. лунное затмение приходи-

7 Цыб С.В. О хронологических показаниях летописной статьи 6620 года Ипатьевского списка. *Проблемы хронологии в археологии и истории*. Барнаул, 1991, 148–161; Цыб С.В. *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»*. Барнаул, 1995, 12–24, 79–81; Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период*. Барнаул, 2003, 24.

8 Симонов Р.А. О календарном стиле статьи 6615 г. *Повести временных лет: Опыт компаративного анализа. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании*. М., 1996, 332–334; Данилевский И.Н. Рец.: Цыб С.В. *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»*. Барнаул, 1995. *Вопросы истории*. 1997. № 5, 162–165; Каменцева Е.И. *Хронология*. М., 2003, 15; Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. *Историческая хронология: Учебное пособие*. Казань, 2004, 172.

9 Ср.: *ПСРЛ* 1: 289–290; *ПСРЛ* 2: 247, прим. 56; Приложение, с. 22.

10 *ПСРЛ* 2. СПб., 1843. Прибавление, 289

лось на 4 марта, но было оно дневным, т.е. невидимым на Руси. Не могла цифра ·᠗· (9) обозначать и Круг Луны, поскольку в древнерусской письменности этот пасхальный термин, как справедливо отметил еще А.А. Шахматов, никогда не употреблялся отдельно от Кругов Солнца¹¹. Загадочное показание *Повести* не могло обозначать и последний, 29-й, день лунного месяца, когда только и происходят солнечные затмения (так считали Н.В. Степанов и И.Н. Данилевский¹²), поскольку в летописном тексте проставлено, все же, не число ·к᠗· (29), а нелепое сочетание цифр «въ ·᠗· (9) ·к· (20)». По всей видимости, первоначальную форму «лунного» сообщения из общего для *Ипатьевского* и *Хлебниковского* списков протографа — ·᠗· (9) — сохранил в неизменности второй из них (это подтверждается *Архивским* списком *Густынской* летописи: «Того же мѣсяца [марта] ·᠗· (9)»¹³). Переписчик же *Ипатьевского* списка, заметив нарушение в очередности календарных дат (сначала — 19 марта, затем — 9 марта), попытался неумело исправить второе число на 29. Очевидно, что «лунное» дополнение к известию о солнечном затмении появилось в результате непонятого пока для нас редакционного вмешательства в летописный текст, но сам факт наличия такого редактирования сомнений не вызывает.

Эта редакционная вставка отмечала, видимо, соединение внутри годовой статьи 6621 г. двух разных календарных вариантов константинопольской эры. Такое могло произойти по причине механического совмещения 6621 мартовского года (так датировалось «знаменьє въ слнці») и 6621 постмартовского года (рассказ о смерти Святополка, о восстании в Киеве и о прибытии туда Владимира); подобный способ составления хронологических комплексов — по тождеству годовых чисел без учета реального времени свершения событий — не раз отмечается на страницах *Повести временных лет*. В этом случае надо признать, что составление комплекса происходило много лет спустя после 1113–1114 гг., когда уже забылась истинная последовательность событий этих лет. Могло, однако, быть и так, что соединение разнотипных хронологических элементов появилось в результате целенаправленного стремления летописца-редактора связать воедино два одновременных события, одно из которых рассказывало о «знаменьи». В пользу такого предположения свидетельствуют, кажется, помещенные в качестве связки астрономического и некрологического известий рассуждения составителя статьи о том, что «бываютъ знаменья . не на добро» и что «знаменьє въ слнцѣ . проявляше Стополчю смѣрть», а также заимствованный из хронографа рассказ об аналогичном случае в Иерусалиме во времена правления Антиоха IV Эпифана. Подобный прием соединения «добрых» и «недобрых знамений» с историческими событиями неоднократно отмечается на страницах *Повести*: например, в статье 6572 (6573) г., где, кстати, также упоминается время «древле при Антишѣ . въ Ерлѣмѣ» и «нахождение Антишхово [...] на Ерлѣмѣ», в

11 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 393.

12 Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 30–31; Данилевский И.Н. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания. *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XV. Л., 1984, 66.

13 *ПСРЛ* 2. СПб., 1843. Прибавление, 289, прим. «а».

статье 6610 г., где совмещены три «знаменья» «на нбси», «оу лунѣ» и «в слнцѣ», выдуманные летописцем для объяснения причин удачливости похода русских на половцев в следующем году¹⁴ и, что самое показательное, в статье 6623 г., где «знаменье» искусственно соединено с описанием смерти Олега Святославича.

Последнее из только что названных событий в списках Ипатьевской редакции датировано так: «В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6623) [...] в се же лѣтѣ престависа Олегъ Святославличъ . мѣа августа въ .а. (1) днь а во вторыи . погребень быѣ оу стго Спса»¹⁵. Северо-восточные списки передают его дважды: «В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6623) [...] в том же лѣтѣ престависа Улець Стославичъ въ ·ӣ· (18) [в Лаврентьевском списке «·ӣ·»(8)] днь авгѣ мѣа [...] В лѣтѣ ·ѣѣ· х̄ кг (6624) [...] в то же лѣтѣ престависа Улець Стославичъ»¹⁶. Из сравнения календарных дат — 2 и 18 августа¹⁷ — становится ясно, что первоначальная дата погребения черниговского князя была записана в постмартовском календарном стиле с указанием даты пасхального календаря (примерно: *В лето 6623, месяца августа во 2-й день, в среду 11-й седмицы по Пятидесятнице*), которая затем в текстах Лаврентьевской редакции была пересчитана для 6623 мартовского года, в котором среда на одиннадцатой недели после Пятидесятницы приходилась на 18 августа. Только так, и никак иначе, можно объяснить появление в летописных текстах двух противоречивых дат погребения князя (2 и 18 августа). Кроме того, в северо-восточные списки вошла и другая запись (мартовский стиль) о смерти Олега (6624 г.). Получается, что знаменитый Гориславич умер 1 августа 1116 г. (6623 постмартовский и 6624 мартовский годы), похоронен был на следующий день, но этому известию в ипатьевской статье 6623 г. летописец намеренно предварил сообщение о солнечном затмении 23 июля 1115 г. («в се же лѣтѣ быѣ знамение . погибе слнце и быѣ яко мѣъ»¹⁸). Это совмещение хронологических элементов полностью соответствует ситуации 6621 г., где постмартовскому известию о смерти Святополка Изяславича (1114 г.) предшествует сообщение о солнечном затмении 1113 г.

Начало киевского княжения Владимира Мономаха в 1114 г. подтверждается несколькими относительными показаниями. Хронологический перечень *Повести временных лет* говорит о том, что «ѡ смрти Ярослави до смрти Стополчи лѣтъ ·ѣѣ· (60)»¹⁹; в этом случае, от «твердой» даты смерти Ярослава Мудрого (1054 г.)²⁰ до смерти его внука Святополка Изяславича (1114 г.) будет насчитываться как раз 60 лет.

В.Н. Татищев указал, что Святополк родился в 6558 г. (по представлениям историка, в 1050 г.), а умер в 64-летнем возрасте, что опять же заставляет относить смерть князя к 1114 г. В другой редакции *Истории российской* рождение Свято-

14 ПСРЛ 1: 164–165, 276; ПСРЛ 2: 153–154, 251–252.

15 ПСРЛ 2: 282.

16 ПСРЛ 1: 290, прим. 28, 291.

17 В Лаврентьевской летописи явный пропуск десяткового числа, поэтому вместо цифры ·ӣ· (18) осталась цифра ·ӣ· (8).

18 ПСРЛ 2: 282; Святский Д.О. *Астрономические явления в русских летописях*, 106.

19 ПСРЛ 1: 18; ПСРЛ 2: 13.

20 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 108–111, 122.

полка помещается, правда, годом ранее (6557 г.), но здесь, очевидно, проявилась неточность арифметических подсчетов историка, так как в его распоряжении не было летописей, рассказывающих о времени рождения князя. Правильность первого расчета В.Н. Татищева подтверждает старший извод *Новгородской первой* летописи, где в статье 6558 г. говорится: «Родися Святополкъ»²¹.

Наконец, русское продолжение *Летописца вскоре* из *Новгородской Кормчей*, которое было кратким «конспектом» какой-то владими́ро-ростовской летописи конца 70-х гг. XIII в.²², сообщает: «Въ ·в̄·е (2-е) лѣто княжения сего [Владими́ра Мономаха] пренесень Борисъ и Глѣбъ, от Адама лѣт ·ѣ̄х̄к̄г̄· (6623)»²³; поскольку, перенос святых мощей предельно точно датируется 1115 г. (6623 летописный год и 8 индикт²⁴), первым летом княжения Владимира будет 1114 г.

У нас появляются серьезные сомнения и в точности календарных дат летописного рассказа о смене киевских князей в 6621 г. Если Святополк Изяславич умер «мѣа апрѣла · въ ·с̄т̄. (16) днѣ · за Вышегородомъ», тогда последующие события («привезоша и в лодыи Киеву и спрятавшѣ тело его · и възложиша на санѣ · и плакавшѣа по немъ боцаре и дружина его вса [...] и положиша въ цркви стго Михаила») никак не могли быть раньше даты «наоутриа же · въ семы на ·т̄. (10) днѣ», когда, по летописному рассказу, покойный князь уже находился в земле. Тело умершего киевского властителя конечно же могли доставить из Вышгорода в Киев 16 апреля, но вряд ли это было в первой половине дня. Даже если предположить скорую транспортировку тела покойника, то и в этом случае подготовка его к неожиданному погребению не могла уместиться в короткий срок, тем более, что, по церковным законам, совершать погребальные церемонии после захода солнца было невозможно. Самый краткий промежуток времени между смертью и погребением князей отмечается только в дни Великого поста, но и он занимает суточный интервал. Например, именно так были организованы похороны мономаховаго отца, князя Всеволода Ярославича: «В лѣт ·ѣ̄х̄ха· (6601) [...] Престависа великыи князь Всеволодъ [...] мѣа· апрѣла· въ ·г̄т̄· (13) днѣ· а погребень бы ·д̄т̄· (14) днѣ · Недѣли суши тогда стрѣнѣи· и дни сущю четвертку»²⁵. Примерно также проходили во время Великого поста и похороны деда Владимира Мономаха, князя Ярослава Владимировича Мудрого²⁶. В соответствии с этим возникает предположение, что похороны Святополка не могли состояться ни 16, ни 17 апреля, и вообще не могли происходить в апреле, потому как ни в 1113 г.,

21 *НПЛ*: 16; Татищев В.Н. *История российская*. Т. 2. М.; Л., 1963, 79; Т. 4. М.; Л., 1964, 179.

22 Это ясно из того, что последним владимирским князем здесь назван Дмитрий Александрович, который «нача вѣдати великое княжение» (в летописях – 6786 г.), а ростовским — Глеб Васильевич, умерший в том же 6786 г. Примечательно, что в списках свода 1305 г. около 6786 г. отмечается прекращение владими́ро-ростовских известий, что также указывает на существование какого-то летописного памятника конца 70-х гг. XIII в. (Лимонов Ю.А. *Летописание Владимиро-Суздальской Руси*. Л., 1967, 136–137; Муравьева Л.Л. *Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века*. М., 1983, 206).

23 Степанов Н.В. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. *ИОРЯС*. Т. XVII. Кн. 3. 1912, 317–318.

24 *ПСРЛ* 1: 290; *ПСРЛ* 2: 280.

25 *ПСРЛ* 1: 215–216; *ПСРЛ* 2: 207.

26 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 134–137.

ни в 1114 г. Великий пост не продолжался до этих календарных дат, поскольку Пасха в этих годах была, соответственно, 6 апреля и 29 марта. Вместе с этим, вполне возможно предполагать, что быстрые похороны Святополка Изяславича были связаны с великопостным временем.

Дальнейший рассказ *Ипатьевской* летописи о событиях в Киеве опять же вызывает сомнения в точности передаваемой здесь календарной последовательности событий. Если сразу же после похорон Святополка «наоутриа же . въ семы на .і. (10) днь <апреля...> Киане . послаша к Володимеру глгоше . поиде кнаже на столь штенъ», а приглашенный князь «сѣде Киевѣ в недѣлю»²⁷, то получается, что Владимир появился в Киеве 20 апреля, т. е. уже на четвертый день после собрания киевского вече. Этот интервал времени (17–20 апреля) выглядит совершенно неправдоподобным. Вряд ли киевское городское собрание могло быстро принять решение о приглашении Мономаха; точно также в короткие сроки не могло уместиться и следование киевского посольства в Переяславль, и его переговоры с Владимиром, и отказ князя прибыть в Киев. Источник передает нам неправдоподобно быстротечную версию этих событий, «укравшую» реальные хронологические ориентиры: «Въ семы на .і. (10) днь <апреля...> свѣт створиша Киане . послаша к Володимеру глгоше . поиде кнаже на столь штенъ . и дѣднь . се слышавъ Володимеръ . плакаса велми . и не поиде жала си». Сколько времени Владимир «плакаса велми», сколько времени он обдумывал свой отказ? Затем киевляне возвращались обратно домой, наблюдали ужасающие беспорядки в своем родном городе, еще раз совещались и опять следовали до Переяславля, где опять вели переговоры с князем и, наконец, убедили его стать их властителем. В конце концов, Владимир Всеволодович степенно и торжественно въезжал в Киев («с чстью великою»). Несмотря на всю условность наших рассуждений, понятно, что конкретные сроки всех упомянутых происшествий 1114 г. не могли уместиться в короткий пятидневный отрезок календаря (16–20 апреля).

Вероятнее всего, первоначальный рассказ о смене киевских князей, происшедшей в дни Великого поста 1114 г. (9 февраля — 28 марта), не содержал точных юлианских календарных чисел и все его сообщения датировались в относительной форме. Дошедший до нас текст сохранил два остаточных проявления этой формы: киевские события «наоутриа» после похорон Святополка; прибытие Владимира в Киев «в недѣлю». По всей видимости, в этом тексте была, все же, одна юлианская дата «въ семы на .і. (10) днь», подразумевавшая, однако, календарное число февраля или марта, но не апреля. Подобная форма записи календарных дат, когда в юлианских числах единицы отрывались от десятков, и при этом как те, так и другие нередко изображались не цифрами, а словами, в *Ипатьевском* списке отмечается только с 6621 г. по 6636 г. включительно²⁸, т. е. границы ее распо-

27 ПСРЛ 2: 275, 276.

28 6621 г. — «въ семы на .і. (10) днь», «мѣа сѣмѣабра . въ .д. (4) на десать днь», «мѣа сѣмѣабра . въ .а. (1) на десать днь», «деваносто лѣтъ и два»; 6625 г. — «сѣмѣабра въ двадесать шестыи»; 6629 г. — «мѣа генваря . въ смынадесать»; 6632 г. — «августа въ .а. (1) на десать днь»; 6635 г. — «мѣа июла въ первыи на десать»; 6636 г. — «мѣа августа . въ первыи на десать»

жения в летописном тексте приблизительно совпадают с границами компактного размещения постмартовских хронологических элементов²⁹.

В тот момент, когда этот рассказ, относимый к 6621 г. постмартовского календарного стиля (март 1114 г. — февраль 1115 г.), соединился с известиями 6621 мартовского года (март 1113 г. — февраль 1114 г.), в том числе и с известием о солнечном затмении 19 марта 1113 г., относительные показания были пополнены юлианской датой (смерть Святополка — «мѣа априла . въ .ѡі. (16) днѣ»), которая появилась на основании двух редакционных соображений: во-первых, она должна была предшествовать «постмартовскому» рассказу о совещании киевлян по поводу призвания Владимира Мономаха («въ семы на .і. (10) днѣ <февраля или марта>»); во-вторых, она должна была последовать за датой солнечного затмения («мѣа . марта . въ .ѡі. (19) днѣ»), чтобы не нарушать календарную последовательность известий, вошедших в состав скомпилированной статьи. Именно поэтому первоначальное название месяца (февраль или март), сопровождавшее юлианское число 17, было заменено на апрель, а смерть и похороны Святополка совершенно неправдоподобно перенесены на день раньше киевского веча. Те же самые соображения привели и к появлению начальной даты рассказа о смене князей, задавшей направление всей остальной его хронологии: «По семь бо приспѣ праздникъ пасхы . и празьноваша . и по праздниѣ разболиса князь...»³⁰. Этим и объясняется факт того, что искусственная, возникшая в ходе позднейшего редактирования дата смерти Святополка Изяславича содержит название месяца апрель, а в первоначальной, но подвергнувшейся искажению дате собрания киевлян название месяца было потеряно. В отредактированном виде рассказ приобрел драматическую динамику, но потерял историко-хронологическую достоверность.

Северо-восточные редакторы конца XII — начала XIII вв., передающие, несомненно, вторичный по сравнению с ипатьевским рассказ об этих событиях, внесли свою лепту в «уточнение» его календарных показаний. Искусственно увеличивая на одно годовое значение номерá летописных статей (эта искусственность уже давно и неоднократно отмечалась исследователями³¹), в статье

днѣ». Подобная форма встречается и в показаниях летописного переложения Иоанна Малалы в статье 6622 г. — «семь тысящъ и ѡ (400) семьдесятъ днѣи ꙗко бытии лѣтома . двемадесатьма», «двою бо на десать мѣю» (ПСРЛ 2: 274–292).

29 Правда, ни в *Хлебниковском*, ни в других списках этой редакции *Повести*, такая форма записи юлианских дат не наблюдается, но мы, все же, не склонны относить ее появление ко времени создания *Ипатьевского* списка. Так, стандартные юлианские формы *Хлебниковского* и *Погодинского* списков выглядят вторичными по отношению к ипатьевским датирующим записям: например, в статье 6621 г. первые две «необычные» ипатьевские даты (см. прим. 28) передаются юлианскими числами («въ .зі. (17) днѣ», «въ .дї. (14) днѣ»), а третья выпущена, причем, пробел является очевидным: «Мѣа сентебрия въ [?] днѣ» (ПСРЛ 2: 275, прим. 31, 276, прим. 70, 74).

30 ПСРЛ 2: 275.

31 Беляев И.Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1189 год. *Временник императорского Московского Общества истории и древностей российских*. 1849. Кн. 2, 3; Погодин М.П. *Исследования*, 34–35, 109, 118. В XX в., правда, этот хронологический сдвиг пробовали объяснить разницей между мартовскими, якобы, ипатьевскими и ультрамартовскими лаврентьевскими годами (Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 31–33, 49; Степанов Н.В. *К вопросу о календаре*, 12–13; Бережков Н.Г. *Хронология русского*

6622 г. (соответствует 6621 г. Ипатьевской редакции) они сначала скопировали ошибочную календарную дату смерти Святополка («мѣа̄ апрѣ̄ въ ·ѣ̄ (16) днь»), а затем заменили неопределенную ипатьевскую дату прихода Мономаха в Киев («в недѣлю») на конкретное юлианское показание, вычисленное по правилам мартовского календарного стиля, в результате чего появилась такая дата: «Того мѣа̄ [апреля] ·к̄ (20) вниде Володимеръ в Киевъ · в нѣлю»³². На этом завершилась летописная модификация изучаемой даты. Научная историография зафиксировала и объявила непререкаемой ту версию начала киевского княжения Мономаха, которая отражала разные этапы искажения первоначального хронологического показания: 1113 номер года был вычислен по дате солнечного затмения, вторичной в комплексе летописной статьи 6621 г. *Ипатьевской* летописи, а календарное число 20 апреля — по юлианскому показанию, появившемуся несколькими десятилетиями позже в северо-восточных летописях.

Этим, однако, не исчерпываются признаки хронологического редактирования статьи 6621 г. *Повести*, показывающие ее неоднородный состав, что подтверждает наши предыдущие выводы. Мы выяснили, что после мартовского известия о солнечном затмении следует датированный постмартовским стилем рассказ о смерти Святополка и вокняжении в Киеве Владимира Мономаха, изложенный в поздней редакционной обработке. Единую с ним цепь повествования составляют последующие известия о походе Владимира и Олега к Выру, о разделе уделов между сыновьями Мономаха и о смерти игуменьи Лазарева монастыря 14 сентября, следовательно, их также можно признать постмартовскими. Правда, формально они представляют собой краткие годовые записи и этим принципиально отличаются от подробного рассказа о смене князей на киевском столе; по всей видимости, в первоначальном «постмартовском» тексте было краткое сообщение о начале мономахового княжения, которое в момент соединения постмартовского и мартовского слоев было заменено подробным рассказом.

Затем, однако, в статье наблюдается хронологический сбой в виде нарушения календарной последовательности дат: после даты 14 сентября говорится о свадьбе Романа Владимировича 11 сентября³³, что указывает на еще одну вставку в текст статьи 6621 г. Впервые ее отметил М.Х. Алешковский, затем А.Г. Кузьмин отнес к ней три последовательных известия: свадьба Романа 11 сентября, закладка церкви св. Николы в Новгороде и вокняжение Ярополка Владимиро-

летописания. М., 1963, 45). Несомненно, все же, что увеличенные годы северо-восточных летописей появлялись механическим путем. Так, поход русских князей на половцев, датированный в *Ипатьевском* списке 6618 постмартовским и 6619 мартовским годами, в суздальских списках упомянут трижды — 6618 г. (копия ипатьевского года), 6619 и 6620 гг. (увеличение ипатьевских годов). В 6621 г. северо-восточных летописей (соответствует 6620 постмартовскому году ипатьевской редакции) пишется: «Ходи Ярославъ снѣ Стополчъ · на Ятѣвагы второе · и побѣди ѿ», но ни в одной летописи нет сведений о двух походах князя на ятвягов; 6621 г. получен увеличением 6620 г., но компилятор конца XII в. понял противоречие дат как указание на два события (*ПСРЛ* 1: 289; *ПСРЛ* 2: 260, 264–269, 273).

32 *ПСРЛ* 1: 290.

33 *ПСРЛ* 2: 276–277.

вича в Переяславле-Русском³⁴. Действительно, эти сообщения ограничены, с одной стороны, уже названным календарным сбоем, а с другой — последним известием статьи 6621 г. о поставлении епископов Данилы и Никиты; в Ипатьевской редакции церковные сообщения не имеют календарных дат, но они восстанавливаются по *Лаврентьевской* летописи («поставиша Даниѣ епѣмъ мѣа генвѣ въ ·с̄· (6), на Крѣцнѣ Гнѣ [...] Том же лѣ поставиша Кирилла епѣмъ мѣа ноѣа · въ ·с̄· (5) днѣ»³⁵) и указывают на еще один хронологический сбой, т.к. предыдущее событие (появление Ярополка в Переяславле) не могло произойти раньше 16 марта 6622 г., когда в этом городе, как сообщает *Повесть*, умер предшественник Ярополка — его брат Святослав. Если признать, что все три вставных известия попали в текст *Повести* из одного источника и что там они входили в одну летописную статью (иначе почему в момент вставки они были отнесены к одному году?), тогда можно сделать очень важный вывод. В этом источнике использовался сентябрьский календарный стиль, на что указывает календарная последовательность заимствованных из него известий: свадьба Романа — 11 сентября, основание Никольской церкви — вероятнее всего 9 мая³⁶, вокняжение Ярополка — после 16 марта, т.е. возможно после 9 мая.

Итак, мы убеждаемся в том, что летописная статья 6621 г. *Ипатьевской* летописи, рассказывающая о начале княжения Владимира Мономаха в Киеве, была сложносоставной и поэтому содержала самые разнообразные хронологические элементы. Их расслоение показывает, что интересующее нас известие было первоначально датировано 6621 годом константинопольской эры и постмартовским календарным стилем (март 1114 г. — февраль 1115 г.). В соответствии с этим выводом получается, что киевский князь Святополк Изяславич умер и был похоронен в дни Великого поста 1114 г., который начинался 9 февраля; погребение князя не могло, однако, произойти позже 16 марта 1114 г., поскольку сбор киевлян для обсуждения вопроса о новом правителе состоялся, самое позднее, 17 марта (если, конечно, он не случился на месяц раньше). Приезд Владимира Мономаха в Киев произошел «в недѣлю», т. е. в один из воскресных дней зимне-весеннего межсезонья 1114 г.: 22 февраля, 1, 8 или 15 марта, если сбор горожан происходил 17 февраля; если же договоренность о приглашении нового князя была достигнута киевлянами 17 марта, тогда прибытие Владимира в столичный град можно датировать 22 марта (вряд ли возможно относить его к пасхальному

34 Алешковский М.Х. Первая редакция «Повести временных лет». *Археологический ежегодник за 1967 год*. М., 1969, 21, прим. 43; Алешковский М.Х. *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М., 1971, 19–20; Кузьмин А.Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, 73–74.

35 ПСРЛ I: 290.

36 П.А. Раппопорт установил, что «закладку церквей на Руси считали возможной производить лишь весной или летом и, во всяком случае, не в конце строительного сезона и не зимой», и тогда она часто происходила в памятные дни (Раппопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 139: *Славяно-русская археология*. М., 1974, 43–48). Под эти условия подходит только один из дней поминовения св. Николая: 9 мая — перенесение его мощей из Мир в Бар.

воскресению 29 марта, поскольку такое примечательное совпадение не отмечают источники) или даже 5 или 12 числами апреля.

На первый взгляд кажется, что мартовские и апрельские даты являются предпочтительней февральских, поскольку древнерусские годы, имевшие весенние календарные стили (ультрмартовский, мартовский и, по аналогии с ними, постмартовский), по всеобщему и давно устоявшемуся мнению, начинались одновременно с началом марта. Однако еще Н.В. Степанов в свое время довольно убедительно обосновал вывод о том, что древнерусские весенние годы, по крайней мере, до XIV в., не имели стабильного календарного начала, т. е. день новогодия не был прочно связан с календарной датой 1 марта. По его мнению, древнерусский весенний новый год приходился на первую неделю Великого поста в случае раннего наступления весны (по другим его версиям, ранний вариант нового года совпадал со второй неделей поста или с полнолунием перед постом), а при позднем окончании зимы — на Вербное воскресенье³⁷. По нашему мнению, каждый древнерусский весенний год начинался одновременно с Великим постом³⁸. В любом случае, однако, допускается возможность февральского начала весеннего года, а это означает, что мы не можем датировать начало киевского княжения Владимира Мономаха отрезком времени более узким, чем вторая половина февраля — начало апреля 1114 г.

Еще одно наблюдение подтверждает наш вывод по поводу великопостной принадлежности смерти и похорон Святополка Изяславича, положивших начало той последовательной цепи событий, что закончились вступлением Владимира на киевский престол. *Повесть временных лет* указывает такую деталь церемонии погребения Святополка: «И плакашеса по немь боаре и дружина его вса . пѣвшѣ над нимь вбычныа пѣсни»³⁹. Аналогичная деталь отмечается и во время похорон Ярослава Мудрого: «Везоша къ Киеву· поповѣ поюще вбычныа пѣсни»⁴⁰. Еще раз «обычные песни» упоминаются при описании погребения Всеволода Ярославича: «И собращаса еѣпи и· игумени· и черноризци· и попове· и боларе· и простии людье взявше тѣло его со вбычными пѣни·»⁴¹. Два последних случая относятся ко времени Великого поста. Наконец, излагая обстоятельства захоронения Ростислава Всеволодовича, *Повесть* отмечает, что «сбращаса еѣпи и попове и черноризци· пѣсни вбычныа пѣвшѣ»⁴². Ростислав утонул в Стугне во время битвы с половцами 25 мая 6601 г., накануне праздника Вознесения Христова, после чего русские еще раз сразились с кочевниками у Халепа и затем заключили с ними мир⁴³; поиски тела утопленника на берегах Стугны, описанные в летописи, могли происходить только после заключения

37 Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. *ЧОИДР*. 1909. Кн. 4 (231), 1–74; Степанов Н.В. *К вопросу о календаре*, 1–40; Степанов Н.В. *Календарно-хронологические факторы*, 1–71

38 Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 134–137.

39 *ПСРЛ* 2: 275.

40 *ПСРЛ* 1: 162; *ПСРЛ* 2: 150.

41 *ПСРЛ* 1: 217; *ПСРЛ* 2: 208.

42 *ПСРЛ* 1: 221; *ПСРЛ* 2: 212.

43 О хронологии этих событий см.: Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 135, 231–239.

этого перемирия, и, значит, приходились уже, как и похороны молодого князя, на дни Петрова поста (13–28 июня 6601 или 1093 г.). Таким образом, все случаи «обычного» песнопения, упоминаемые в *Повести*, в том числе и при описании похорон Святополка в 1114 г., относятся ко времени постного ритуала.

Все прочие некрологические известия *Повести*, имевшие точные календарные даты и приходившиеся не «непостные» дни, не содержат такой детали, а в двух случаях особо подчеркивается «необычность» церковной службы: Изяслава Ярославича, погибшего 3 октября 6586 г., хоронили «съ пѣми [...] во плачѣ велицѣ», а во время похорон его сына Ярополка 5 декабря 6594 г. «митрополитъ Іѡаннѣ с черноризци· и с прозвутеры [...] великъ плачь створиша над нимъ· со плѣми и пѣнми»⁴⁴.

По мнению А.С. Львова, «обычные пѣсни» *Повести* означали языческий обычай оплакивания покойников, причем это мнение было основано только на том, что прилагательное «обычный» происходило от слова «обычай». Однако, само это существительное, по сведениям того же исследователя, не подразумевало дохристианских праздничных ритуалов и означало только традиционно установившийся порядок и правила поведения⁴⁵. Действительно, трудно представить киевских иереев, сопровождавших в 1054 г. гроб с телом Ярослава Мудрого из Вышгорода по пути в Киево-Софийский собор и при этом распевавших языческие «плачи». Еще труднее предположить, что в конце XI в., через 100 лет после установления христианства на Руси, «ієрѣи и игумени и черноризци и попове» с языческими песнопениями провожали в последний путь князя Всеволода Ярославича. Вероятнее всего, словосочетание «обычные песни» при описании похоронных церемоний указывало на отсутствие в церковной службе грандиозной торжественности. Вспомним, что на протяжении Великого поста чаще всего совершается литургия преждеосвященных даров св. Григория Двоеслова, которая уступает красочности и торжественности литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста. Для константинопольской церкви в XI в. запрещение евхаристии в дни «четыредесятницы» (первые 40 дней Великого поста) стало уже «обычным» явлением; не случайно она отстаивала каноничность этого обряда в спорах с римской церковью⁴⁶. Для русских священников и монахов XI — начала XII в., еще только познававших тонкости церковной службы, это служебное правило было весьма актуальным, и поэтому они специально отмечали в своих записях преждеосвященную литургию.

С началом киевского княжения Владимира Всеволодовича наша историография традиционно связывает еще одно примечательное событие. Давним и устойчивым является мнение о том, что *Устав* Владимира Мономаха, вошедший в состав *Пространной* редакции *Русской правды*, появился «по горячим следам» восстания, сопровождавшего приезд князя в Киев. Повод к тому да-

44 ПСРЛ 1: 202, 206; ПСРЛ 2: 194, 198.

45 Львов А.С. *Лексика «Повести временных лет»*. М., 1975, 38, 40.

46 Лебедев А.П. *Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках*. М., 1902, 375–377.

вала весьма неопределенная дата из заглавия *Устава*: «Володимер Всеволодович по Святополце созва дружину свою на Берестовемь»⁴⁷. Так, к примеру, еще Н.М. Карамзин писал, что этот документ Владимир принял «в начале своего правления», а С.М. Соловьев, вторя ему, утверждал: «В непосредственной связи с... обстоятельствами избрания Мономахова находится известие, что Владимир тотчас [?!] по вступлении на старший стол собрал мужей своих... и порешили ограничить росты»⁴⁸. В XX в. этот вывод приобрел непререкаемый авторитет, а М.Н. Тихомиров даже считал, что Мономах созвал «законодательное совещание» в Берестове еще накануне своего переезда из Переяславля в Киев⁴⁹. Понятно, что такие мнения являются умозрительными, потому как относительное хронологическое показание «по Святополце» не может иметь однозначного толкования.

Наша версия датирования *Устава* основывается на сопоставлении его заглавия с заглавием *Правды Ярославичей*, которая появилась в то время, «егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячъко, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»⁵⁰. Несомненно, что здесь отразилось соединение трех различных частей юго-восточного союза Ярославичей (киевской, черниговской и переяславской), заложенного еще в завещании их отца: «Изаславу Кысьвъ <...> а Стославу даю Черниговъ· а Всеволоду Переяславль»⁵¹. Рядом с князьями в заглавии *Правды Ярославичей* называются их дружинники, и этот момент очень важен для наших дальнейших рассуждений. Несомненно, что давние союзные традиции продолжали действовать и во времена внуков Ярослава. Их подтвердил Любечский съезд, определивший «вотчинный» статус только трех юго-восточных земель. Они нашли проявление и во время половецких походов начала XII в., в которых принимали участие объединенные дружины тех же трех княжеств. На них ссылался и Владимир Мономах в своем письме к Олегу Святославичу в 1096–1097 гг., призывая его вернуться к давним союзным обязательствам: «Тѣм бо путѣ шли дѣ<д>и ѿци наш<и>»⁵².

Заглавие *Устава* описывает следующие персоналии: «Володимер Всеволодовичъ [...] созва дружину свою на Берестовемь <... и> Иванка Чудиновича Олгова мужа». Можно объяснить, почему на Берестовском съезде не были представлены Изяславичи (киевская часть), потому как со смертью Святополка в этом ответвлении династии не осталось внуков Ярослава Мудрого. Владимир и его дружина представляли объединенную киево-переяславскую часть союза, а Олегов муж Иванко Чудинович олицетворял Черниговскую землю. Остается непонятным, почему здесь не присутствовал никто из черниговских Святосла-

47 *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 1: *Законодательство Древней Руси*. М., 1984, 67.

48 Карамзин Н.М. *История государства российского*. Т. 2. М., 1991, 275, прим. 216; Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. Т. 2; Соловьев С.М. *Сочинения в 18-ти кн.* Кн.1. М., 1988, 390.

49 Тихомиров М.Н. *Крестыянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв.*; Тихомиров М.Н. *Древняя Русь*. М., 1975, 139–140.

50 *НПЛ*: 177.

51 *ПСРЛ* 1: 161; *ПСРЛ* 2: 150.

52 *ПСРЛ* 1: 254, прим. «о».

вичей и, в первую очередь, самый активный и влиятельный представитель этого княжеского клана — Олег?

Историки давали разное толкование этому факту, объясняя его либо высокомерием Олега, уязвленного якобы потерей киевского стола, либо тем, что «принять личное участие в совещании, проводимом в интересах низших слоев, было... выше сил Олега, и он послал вместо себя дружинника»⁵³. Примечательно, что никто из ученых не рассматривал причин отсутствия в Берестовом старшего Святославича, Давыда, потому как известная всем характеристика этой личности никогда не позволяла специалистам подозревать его активное участие в решении каких-либо важных социально-экономических проблем; таким образом, мы можем сосредоточиться на объяснении причин отсутствия Гориславича и попробовать обосновать на этом датировку появления *Устава*.

Очевидно, что присутствие в Берестове «Иванка Чудиновича Олгова мужа» указывает на принципиальное согласие черниговских князей с проведением и «повесткой» этого совещания, хотя сами они не могли присутствовать здесь. Например, совсем иначе вел себя тот же Олег в середине 90-х гг. XI в., упрямо не желая участвовать в каких-либо княжеских съездах и не делегируя на них своих представителей; примерно также он отказался от участия в Сутеньском походе 1107 г. По всей видимости, необычный состав черниговской «делегации» в Берестове указывал на то, что *Устав* был принят незадолго до кончины Гориславича, когда он был уже не способен совершить поездку на правый берег Днепра. Перед смертью князь, несомненно, продолжительно болел. Так, например, в походе на Минск, который состоялся в начале 1116 г., за полгода до его смерти, вместе с Мономахом и Давыдом принимали участие его сыновья, хотя в предыдущем походе на Полоцкую землю (февраль 1105 г.)⁵⁴ Олег проявил бóльшую заинтересованность и участвовал в нем лично. Таким образом, самым вероятным временем составления *Устава* Владимира Мономаха является первая половина 1116 г.

Алтайский государственный университет

53 Вернадский Г.В. *История России: Киевская Русь*. М.; Тверь, 1996, 105.

54 Обо всех указанных здесь датах см.: Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси*, 304–305, 322–332.